

В.Н. Шевченко

Особый путь развития России: миф или реальность?

Vladimir N. Shevchenko

The special path of Russia: myth or reality?

Статья посвящена анализу дискуссий по вопросу об «особом пути» развития России, приобретающих в последнее время все более острый характер. Рассматриваются доводы противников «особого пути» России, которые настаивают на универсальном характере процесса модернизации, другими словами, трансформации традиционного (аграрного) общества в результате буржуазной революции в современное, т.е. в либерально-демократическое общество или в общество модерн. Сторонники «особого пути» указывают на асимметричный характер многовековых отношений отстающей в своем развитии России с более развитым Западом, что вынуждает Россию в определенный момент времени отказаться от идеи догоняющего развития и приступить к поиску своего, альтернативного и в этом смысле «особого пути» превращения России в современное общество. В статье делается попытка преодоления идеологически окрашенного спора вокруг «особого пути» посредством обновления методологии исследования российской истории, в частности, более глубокого рассмотрения причин и последствий неравномерного развития европейских стран, включая Россию, на основе применения мир-системного подхода. Автор показывает, что идея особого пути России появляется как антилиберальный ответ на вызовы западного капитализма в условиях его стремительного развития. Впервые эта проблема, именно как проблема выбора нового политического вектора, возникает в явном виде с приходом к власти Николая I, когда Россия могла бы стать новым центром силы, центром иного, но тоже капиталистического развития. Но это была бы другая модель – модель государственного капитализма, в которой целенаправленное строительство экономики ставится на службу государству, способствует реализации им своих национальных интересов, что впоследствии продемонстрировала на своем особом пути Германия Бисмарка. В этой связи дается сравнительный анализ особых путей развития Германии и России в XIX–XX вв., демонстрируется сходство начальных позиций и противоположность полученных результатов.

Ключевые слова: Россия, Запад, цивилизация, культура, общество модерн, догоняющее развитие, «особый путь», мир-системный подход, государственный капитализм, национальный интерес, протекционизм, консервативная революция.

The article is devoted to the analysis of discussions on the issue of a “special path” of Russia’s development, which have recently become more and more acute. The arguments of the opponents of Russia’s “special path” are considered. They insist on the universal nature of the modernization process, in other words, the transformation of a traditional (agrarian) society into a modern one as a result of the bourgeois revolution, i.e. into a liberal-democratic society or into a modern society. Supporters of the “special path” point to the asymmetric nature of the centuries-old relations between Russia lagging behind in its development and the more developed West, which forces Russia at a certain point in time to abandon the idea of catching up development and start searching for its own, alternative and in this sense, “special path” of transforming Russia into modern society. The article attempts to overcome the ideologically charged dispute around the “special path” by updating the methodology of the study of Russian history, in particular, a deeper consideration of the causes and consequences of the uneven development of European countries, including Russia, based on the application of the world-systems approach. The author shows that the idea of a special way for Russia appears as an anti-liberal response to the challenges of Western capitalism in the context of its rapid development. For the first time this problem, precisely as the problem of choosing a new political vector, arises explicitly with the coming to power of Nicholas I, when Russia could become a new center of power, a center of a different, but also capitalist development. But it would be a different model – the model of state capitalism, in which the purposeful construction of the economy is put at the service of the state, contributes to the realization of its national interests, which Bismarck’s Germany subsequently demonstrated on its special path. In this regard, a comparative analysis of the special ways of development of Germany and Russia in the XIX–XX centuries is given, the similarity of the initial positions and the opposite of the results obtained are demonstrated.

Keywords: Russia, West, civilization, culture, modern society, catch-up development, “special path”, world-system approach, state capitalism, national interest, protectionism, conservative revolution.

Введение

Ситуация вокруг особого пути России в первые десятилетия нынешнего века практически не изменилась по сравнению с веком XX, несмотря на достаточно радикальный поворот, совершенный руководством страны на рубеже столетий, к тому же дополненный в последнее время уверенным становлением на мировой арене многоцивилизационного мира. Переход к шестому технологическому укладу только способствовал дальнейшему успешному развитию больших государств-цивилизаций, которые ведут последовательную линию на сохранение и укрепление традиционных ценностей и основ общественной жизни – семьи, государства, религии, социально-этических принципов, таких как совесть, сострадание, справедливость, солидарность.

Каждое большое государство-цивилизация продолжает идти, несмотря на все трудности внешнего и внутреннего характера, по выбранному им собственному пути развития и обусловленному многовековой культурно-исторической спецификой цивилизации. И если в рамках традиционного общества следование по собственному, национальному пути было свободным,

а потому и непоследовательным, или не до конца осознаваемым, что приводило нередко страну в тот или иной исторический тупик, то теперь этот выбор обосновывается и цивилизационно, и этически, и научно, исходя из достижений современной социальной мысли. Тем не менее этот выбор постоянно подвергается реальным угрозам со стороны цивилизации, претендующей последние несколько столетий на непреходящую всеобщность ее достижений для всего остального мира.

Для тех, кто считает, что российская цивилизация есть отставшая часть западной цивилизации, реальность проблемы для них национального пути развития России как некоего «особого пути» не существует, хотя, конечно, есть сложности преобразования отставшего во многом от Запада традиционного общества в современное европейское, «нормальное», т.е. высокоразвитое капиталистическое общество. Для тех, для кого Россия была, есть и останется, прежде всего, отдельной самостоятельной цивилизацией, собственный путь России всегда ассоциировался с защитой ее независимости, суверенитета, военной и экономической мощи, с сохранением высокоцентрализованной властно-управленческой структуры в различных ее конкретно-исторических формах. В настоящей работе предстоит рассмотреть вопрос, насколько обоснована критика особого пути России сторонниками смены пути ее развития и возвращения в «подлинную», единую общечеловеческую цивилизацию и каково действительное место особого пути в логике развития российской цивилизации.

К современным дискуссиям об особом пути России

Дискуссии между сторонниками и противниками особого пути в последнее время становятся все более острыми, они приобрели современные смыслы примерно с 30–40-х гг. XIX в., когда капитализм начинает обретать адекватную ему индустриальную основу. Примечательная особенность дискуссий состоит в том, что если само это понятие «особый путь» взято в кавычки, то обычно оно служит маркером, по которому почти безошибочно можно определить позицию авторов, отвергающих эту идею применительно к истории России последних столетий. Понятие «особый путь России» широко используется в отечественной литературе в позитивном смысле наряду с практически тождественными ему понятиями своего, собственного, самостоятельного, национального, альтернативного, цивилизационного пути развития. Поиск в интернете на слово «особый» может выдать несколько десятков слов, практически тождественных или весьма похожих между собой. Но в настоящем исследовании всем указанным выше и неуказанным словам и, прежде всего, особому пути придается свой вполне определенный смысл, не допускающий никаких существенных разночтений.

Дать обзор дискуссий всей современной литературы по теме «Особый путь России» не представляется никакой возможности (см. прим. 1). В постсоветской России одним из первых критику «особого пути» дал Е.Т. Гайдар в своей книге «Государство и эволюция», одна из глав которой так и называется «Особый путь догоняющей цивилизации» [6]. Это также работы В.Л. Иноземцева, Э.А. Паина, Д.Я. Травина, Л.Ф. Шевцовой, ряд объемистых сборников (см. прим. 2). Из огромного числа научных публикаций критического характера последних десятилетий выделю лишь ключевые фигуры, важные для анализа выбранного аспекта проблемы.

У России, начиная с XVI в., было два возможных ответа на европейский вызов, пишет Е.Т. Гайдар. Первый: попытаться перенимать не структуры, воспроизводящие экономический рост, а только его результаты, идя при этом «своим путем»; опереться на силу Московского государства <...>, используя государственные структуры для экономического скачка, для преодоления отставания. <...> Другая стратегия: изменить само устройство социально-экономической системы, <...> перейти с «восточного» на «западный» путь, пусть не сразу, постепенно, но взрастить подобные институты на российской почве» [6, с. 52–53]. В таком упрощенном виде излагается стержень российской истории с XVII в.

Основной круг вопросов, обсуждаемых с тех пор в рамках критики «особого пути», если говорить кратко, существенно не изменился. По-прежнему, критика «особого пути» неразрывно связана с проблемой модернизации. Существует один магистральный путь исторического развития общества – это модернизация, как переход от традиционного общества к современному обществу, обществу модерн. В недавно изданной работе «“Особый путь”» России. От Достоевского до Кончаловского» известный и весьма активный противник «особого пути», посвятивший этому вопросу много публикаций, Д.Я. Травин, утверждает, что «модернизация это в первую очередь формирование рынка и демократии». Анализ модернизации, по его мнению, «требует от нас жестко отделить такие, на первый взгляд, похожие понятия, как «особый путь» и «зависимость от исторического пути» [18, с. 93]. Протекание конкретного хода модернизации зависит от особенностей исторического развития. В одних случаях они благоприятствуют ходу модернизации, а в других его осложняют. Но не более того.

Что касается «особого пути», то анализ его теорий показывает, «что, несмотря на всю популярность подобного подхода, за ним не стоит серьезных фактов. Особый путь – это лишь пессимистический конструкт нашего сознания, рождающийся в кризисные моменты развития» [18, с. 10]. Другими словами, это – миф, связанный в основном с проблемой фрустрации. «Русская фрустрация» – так называется заключение в указанной выше книге. Дело, конечно, не в фрустрации, и даже не столько в том, что острый кризис развития

порождает фрустрацию, т.е. когда особо сильные желания не соответствуют имеющимся возможностям. Фрустрация есть одно из преходящих естественных состояний человеческой и коллективной психики. Несмотря на то, что Д.Я. Травин считает себя экономистом, до рассмотрения экономических отношений России и Запада дело так и не доходит. Мы постараемся показать в следующем разделе, насколько решающими аргументами в пользу особого пути России являются внешнеэкономические факторы.

В недавно изданном сборнике «Особый путь: от идеологии к методу» предпринимается еще одна попытка развеять иллюзию об «особом пути» развития России, иллюзию, которая традиционно считается, как пишут авторы, одной из самых «коренных» черт отечественного исторического самосознания. «Концепция «особого пути», ставшая сегодня практически государственной идеологией, – отмечается в сборнике, – пользуется широкой общественной поддержкой. Неудача попытки стать «нормальной страной» привела к новому расцвету идеи возврата к национальным, религиозным и нравственным ценностям» [9, с. 51]. Тщательная подборка нужных аргументов и социологических опросов общественного мнения позволяет авторам книги утвердиться в своем понимании «особого пути» как метафоры или мифологемы. Но что интересно отметить, составители, они же и ведущие авторы сборника, наметили траекторию использования метафоры «особого пути» – от идеологии к методу. Этот переход заключается в том, что при идеологическом использовании этой метафоры «реакция на предъявляемые внешние нормы более успешных стран оборачивается отказом от желания превзойти соперников. <...> Речь идет скорее об отказе от исторического соревнования, поскольку «передовые» страны на самом деле не опережают Россию, но сами сбились с пути» [1, с. 28].

Но дальше авторы всерьез утверждают, «что конкретные причины исторической деградации Запада никем не анализируются, а особенности собственного пути не фигурируют в качестве новой нормы». В это трудно поверить. А что касается метафоры «особого пути» в качестве основы историографической методологии и исследовательской программы, то здесь высказывается намерение «подвергнуть критической ревизии основания государственной политики прошлого» [1, с. 29–30]. Авторы намекают на сопоставление с немецким обсуждением предпосылок и итогов Второй мировой войны. Этот намек понятен. Можно только сказать, что такие сопоставления уже имели место и в отечественной литературе с далеко идущими выводами о совпадении многих оценок деятельности тогдашнего руководства этих стран.

Конечно, сложности исторического развития могут породить мифологему «особого пути», говорится в сборнике. Германия переболела этой идеей, и теперь она нормальная страна, т.е. страна высокоразвитого капита-

лизма. Впрочем, о Германии мы поговорим особо. А вот Россия, оказывается, все никак не может переболеть этой болезнью. Сегодня она вновь больна, как и все двести лет, если не больше. Страна все время ищет свой «особый путь», это и является главной причиной ее нахождения в постоянно переходном состоянии.

Самый распространенный довод критиков «особого пути» модернизации российской цивилизации состоит в необходимости более последовательного использования модели догоняющего развития, но, сразу скажем, эта модель нам представляется устаревшей. Вопрос здесь в другом – в необходимости обращения к тем глубинным причинам, по которым не-западное общество испытывает большие трудности, когда пытается идти по пути реализации проекта модерн и попадает в тупики исторического развития. Из них не бывает простого выхода, а напротив, они нередко приводят к катастрофическим последствиям. Сторонники концепции догоняющей модернизации объясняют неудачи модернизации политическими ошибками власти, средневековой неподвижностью политического строя и общества в целом, цивилизационной отсталостью народа, его неготовностью к реформам. Но если поместить российское государство в контекст всемирной истории, тогда общая картина успехов и поражений приобретает несколько иной вид.

Прежде всего, нельзя упускать из вида, что сравниваемые страны находятся на разных уровнях социально-экономического, более того, формационного развития. Догнать в обще-социальном плане, а не просто по экономическим показателям, – это прежде всего совершить буржуазную революцию, аналогичную тем, какие имели место в западноевропейских странах, хотя пределы аналогии – это сама по себе сложнейшая проблема, и встать на путь догоняющего развития по конкретным сопоставимым параметрам. Поэтому важно акцентировать внимание на первейшем условии реализации догоняющей модернизации – на проблеме радикальных в своей основе революционных перемен. Кризис западной идентичности, становление полицентричного, поли-цивилизационного мира дают сегодня такой обширнейший материал, который позволяет говорить о концепте догоняющей модернизации как об уходящей натуре.

Общество модерн, проект модерн, есть социально-исторический процесс становления буржуазной цивилизации, либерально-демократического общества, который продолжается на протяжении ряда столетий и который остается на сегодняшний день незавершенным. И в этом смысле проект модерн есть такая же утопия, как и Красный Проект, который либеральные авторы любят приводить в пример. Причины этой незавершенности нам еще предстоит разобрать. Впрочем, самой по себе проблеме западноевропейской модернизации авторы, стоящие на либеральных позициях, посвятили немало содержательных работ, в т.ч. и авторы вышеназванных книг.

Подавляющее число работ по критике российского «особого пути» носит публицистический характер, в них авторы не столько доказывают, сколько убеждают в необходимости отказаться от надежд на «особый путь» в решении сегодняшних российских задач. Поэтому одна из важнейших задач социально-исторических наук – это поиски новых философских методологий исследования российской истории для прояснения ситуации с «особым путем».

Остается только добавить, что критика «особого пути» открыто направлена и против цивилизационного подхода. Цивилизационный подход, с точки зрения В.А. Шнирельмана, дорог его сторонникам, во-первых, тем, что «он подпитывает ностальгию по былому величию, сохраняя за Россией облик великой державы, <...>. Во-вторых, настаивая на особом пути России, он изымает ее из обычной универсальной эволюционной схемы (в понимании автора – либеральной. – *В.Ш.*), основанной на социально-экономических критериях. <...> В-третьих, отказываясь от линейности исторического процесса в пользу цикличности, цивилизационный подход дарит России надежду на возрождение и новый взлет в будущем» [27, с. 97]. Но ни слова не говорится о том, что появление цивилизационной парадигмы было вызвано реальными потребностями в объяснении причин того, почему страны не-западного мира не в состоянии следовать западным ценностям, нормам, моделям поведения, устройству общества. Это в полной мере относится и к российскому обществу.

Вопросы методологии анализа российской истории

В современной литературе многими авторами выделяются две главные линии или два способа понимания, интерпретации российской истории в отечественной мысли – историософский и теоретико-методологический, каждый из которых прошел большой путь в своем развитии. Об этом пишут, в частности, в своей работе «Русская философия истории» Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. Если в русской философской мысли «понятие философии истории применялось ко всем направлениям и школам и ориентировало на объяснение исторического процесса, то понятие историософии, акцентирующее идею софийности, несло оттенок метаисторичности. Можно сказать, что русская философия истории в своих истоках и наиболее ярких проявлениях тяготеет именно к этому, историософскому, направлению» [16, с. 4].

Возникновение историософских учений на Руси в значительной мере обусловлено принятием христианства и основанной на нем традиционалистской системы ценностей. Современное историософское направление в изучении российской истории связано, прежде всего, с именами Н.А. Бердяева и В.В. Зеньковского, известного русского философа и богослова. «Русская мысль сплошь историософична, – пишет В.В. Зеньковский, – она

постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т.п.» [8, с. 22]. Исторический подход получил в последнее время широкое распространение среди отечественных ученых, особенно в связи с растущим вниманием к культурно-историческим основам российской цивилизации. О следовании принципам исторической философии заявил С.А. Никольский в докладе «О проблеме цивилизации и цивилизационном развитии России. Исторический анализ» на одном из заседаний теоретического семинара Института философии РАН [15].

Теоретико-методологическое направление ориентировано на философское осмысление достижений исторической науки. К его сторонникам можно отнести русских просветителей, либеральных историков и публицистов дореволюционного периода, а в советское время – философов-марксистов. Должен быть по достоинству отмечен вклад в развитие философии истории целого ряда советских авторов, развивавших марксистский подход, их стремление преодолеть кризисное состояние теории формаций.

Сегодня высказывается точка зрения о том, что в постсекулярную эпоху наблюдается встречное движение между двумя этими направлениями – исторической философией и философией истории, но, скорее, можно говорить о взаимной дополнительности, поскольку эти два подхода имеют принципиально не совпадающие предметы анализа. Собственно, по этой причине существует определенный предел сближению указанных двух подходов. Историческая философия представляет собой по преимуществу нарративное знание, где господствуют большие исторические построения, в отличие от теоретико-методологического подхода, который нацелен на разработку категориального, понятийного аппарата и структуры теории. «Историческая философия не может заменить научную философию истории. <...> Системный характер, доказательность и обоснованность философско-исторических выводов не равнозначны историческим представлениям, основанным на традиционалистской системе ценностей» [2, с. 161]. Но их противопоставление также имеет определенные пределы: они основаны на вере, только одна из них на религиозной, другая – на философской.

Мне ближе, как исследователю, теоретико-методологический подход, который ориентирован в первую очередь на философское осмысление новейших достижений социально-исторических наук. При этом в качестве методологии исследования выступает диалектически понятая идея развития. В этом направлении исследований сегодня самая неразработанная проблематика связана с философским осмыслением неравномерности процесса исторического развития человеческого общества, которое может дать вполне конкретный ответ на вопрос об исторической судьбе концептуального понятия «особый путь России». В этом заключалась основная цель моего исследования, результаты которого изложены в настоящей статье.

Здесь нужно подчеркнуть, что этот концепт приобретает различные конкретные смыслы при анализе отдельных этапов исторического процесса. До конца средних веков нет единого потока истории, но есть многолинейность, есть на исторической арене целый ряд локальных цивилизаций и, соответственно, параллельно идущих потоков локальных исторических процессов. Ситуация со смыслом концепта особого пути России кардинальным образом меняется с началом становления капитализма и всемирной истории. Речь в дальнейшем и пойдет о том конкретном смысле, которым оно наполняется на этом этапе.

Школа мир-системного анализа или мир-системного подхода занимает сегодня если не ведущее, то одно из самых значимых мест среди методологий исторического анализа. Ее теоретические истоки можно обнаружить уже в работах К. Маркса. В начале XX в., когда встал вопрос об экономической и социальной сущности колониального мира, ряд марксистов – Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, М.Н. Покровский сделали ряд важных теоретических и практически-политических выводов в результате анализа процессов накопления капитала в эпоху империализма и указали на растущую в этой связи неравномерность развития всемирной истории, достигшую к тому времени катастрофического характера.

Быстро растущий интерес к мир-системному подходу на мир, так же как и к цивилизационному подходу, появляется в 70–80-е гг. прошлого столетия в связи с переходом к постиндустриальному этапу развития общества и кризисом однолинейной интерпретации формационного прогресса человечества. Современными создателями школы мир-системного анализа считаются широко известные западные ученые И. Валлерстайн, А.Г. Франк, С. Амин, Дж. Арриги, ряд других авторов.

Главный труд И. Валлерстайна в четырех томах «Мир-система Модерна. I–IV» носит в основном экономический характер, но не только. Капитализм представляет собой исторический капитализм. Он возникает одновременно и как общественный способ производства, и как единая мировая экономическая система. В этом суть теоретического открытия И. Валлерстайна. Капиталистическая мир-система складывается, – пишет И. Валлерстайн, – «в долгом XVI в.». Она существует уже свыше 500 лет и имеет свои естественные, иначе говоря, объективные законы развития. Это означает, что «она зародилась, развилась и однажды прекратит свое существование посредством дезинтеграции или фундаментальной трансформации» [4, с. 95]. Вместе с тем ряд положений и выводов И. Валлерстайна были подвергнуты критике. Но в своем реальном звучании его учение фактически стало новым взглядом на исторический процесс, которое на основе анализа огромного эмпирического материала позволило показать реальное воздействие внешних факторов и, прежде всего, экономических связей и отношений на разви-

тие отдельных стран. Постепенное расширение западно-центричной капиталистической мир-экономики до размеров глобальной единой исторической мир-системы сопровождается возникновением в последней Центра (ядра), периферии (колониальных стран) и полупериферии, главным образом в виде периферийных империй.

В настоящее время имеется огромная литература по мир-системному анализу, насчитывается целый ряд интерпретаций этой «западной неомарксистской» концепции как зарубежными, так и отечественными авторами. Что касается отечественной литературы, то наиболее серьезную попытку применения мир-системного анализа к истории России предпринял Б.Ю. Кагарлицкий [10]. Философское осмысление связи мир-системного анализа с цивилизационным подходом оказалось для современной отечественной мысли весьма сложной и далеко не решенной задачей [24].

Российская история после окончания ордынского ига самым непосредственным образом связана с историей становления европейского капитализма. К середине XVII в. Московское царство начинает занимать место на периферии европейской экономической системы. Наряду с Россией на ее периферии оказываются и такие империи, как Китайская, Османская, Персидская, империя Великих Моголов и другие государства-цивилизации (миры-империи). Вследствие этого обстоятельства характер отношений между Западом и Россией, другими периферийными империями носит изначально асимметричный характер. Запад в принципе не может существовать без возникающих торговых, экономических, финансовых связей, чего нельзя сказать про не-западный мир.

Взаимодействие России с Европой, встающей с XVI в. на путь капиталистического развития, приводит к становлению устойчивого межцивилизационного, межгосударственного общественного разделения труда, которое сначала было выгодно обеим сторонам. Взаимная зависимость приводит к поразительно различным результатам. Когда начинается ускоренное развитие капитализма на Западе, Россия начинает все больше специализироваться на вывозе природного сырья, частью первично обработанного, сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерна. Для Англии и других европейских стран первого, спонтанного пути развития, такой характер торговли, когда Россия становится надежным рынком сбыта ее промышленных товаров, выступает важным условием развития мануфактурного, а затем и промышленного капитализма, страны в целом. Указанное разделение труда ведет сначала к отставанию России, а затем к появлению и углублению зависимости, которая начинает носить неустранимый характер. Россия не виновата в том, что к середине XVII в. центр экономического развития на континенте смещается в Западную Европу, и она оказывается на периферии формирующейся европейской (западной) капиталистической мир-экономики, агрессивно стремящейся к тому, чтобы стать всемирной и единственной мир-системой.

Зависимый и отсталый характер российской экономики складывается и усиливается на протяжении последующих столетий вплоть до 1917 г. Объективной основой для этого, что важно подчеркнуть, явилось сложившееся международное общественное разделение труда, место России в мировой экономической системе. Западноевропейские страны всеми возможными способами стремятся к тому, чтобы в России шла точечная, выборочная модернизация, главным образом как индустриализация только в тех отраслях, которые поставляли бы нужные для Запада товары.

В странах Западной Европы бурно росли мануфактурное, а затем промышленное производство, объемы вывоза готовых промышленных товаров, для чего требовалось все больше сырья и продукции аграрного сектора, складывался новый общественный строй, все то, что впоследствии будет названо обществом модерна. В России аграрно-торговый капитал подчиняет себе промышленный капитал и способствует сохранению самодержавия и общинно-крепостнического строя, тормозит и неоднократно останавливает необходимые для развития общества экономические, социальные и политические преобразования.

Российская экономика все больше приспосабливалась к требованиям внешнего рынка, что усиливало ее неравномерный, неорганический характер. Расчетливая и эгоистическая политика Запада была направлена на то, чтобы Россия не выбралась из колеи выборочной модернизации, которую очень часто и не вполне точно характеризуют как догоняющую модернизацию. В информационной борьбе с Россией разыгрывание карты отсталости – совершенно беспроигрышная для Европы установка. Она гарантирует постоянное присутствие в сознании русских, россиян чувства недовольства своей страной на протяжении столетий. Избавиться от этого чувства русскому, россиянину трудно, даже если он этого желает, поскольку на путях догоняющего развития преодолеть отсталость невозможно, можно сменить лишь одну форму отсталости на другую.

Исторические предпосылки альтернативного пути развития капитализма в России в XIX в.: от эпохи Николая I к Александру III

Российскую империю как форму организации общественной жизни отличают, по крайней мере, следующие черты, носящие характер онтологических констант государства: самодержавие, сакральность высшей власти, жесткая централизация властно-управленческой, бюрократической вертикали, доминирование в обществе отношений непосредственного, личного господства и подчинения, сращенность власти и собственности, многоэтничный характер населения империи, наличие доминирующей русской

культуры [26]. Догоняющее развитие в теоретическом смысле слова нужно рассматривать как модернизационную трансформацию периферийной империи. Но насколько это было возможно в той конкретно-исторической ситуации, в какой оказалась Российская империя, это центральный вопрос, от решения которого зависит и отношение к концепту особого пути.

К концу XVIII в. после свершения Французской революции Россия оказывается на развилке истории. Понимание того, что усвоение многих действительно прогрессивных достижений Запада не решает кардинальным образом судьбу страны, что предлагаемые Западом способы преодоления отсталости не могут дать тот однозначный результат, о котором постоянно твердило информационное «просветительство» с Запада, – все это рождает в русском общественном сознании другое чувство: нужно искать свой собственный путь решения существующих в стране проблем. Скорее всего, дело не просто в отсталости. Ведь вместе с ней пришла зависимость от Запада, то, что впоследствии начинает все больше приобретать черты его колониального превосходства, которое начнет осознаваться в полной мере только в пореформенной России.

Отношения между капитализирующейся Западной Европой и Россией носят циклический характер на протяжении последних четырех-пяти столетий. Интересные мысли в этом плане высказал еще в 1990-е гг. В.Л. Цымбурский [22]. Он предложил модель циклического геополитического взаимодействия России и Запада. В конце каждого цикла вектор российской политики претерпевает радикальное изменение с проевропейского на противоевропейский – евразийский. В итоге получается следующая картина российской истории, исходя из циклической модели истории. Первым на путь реализации национального, в смысле особого пути, попытался встать Николай I, затем имел место антилиберальный курс Александра III. С конца 20-х г. XX в. при И. Сталине началась реализация концепции «строительство социализма в одной стране».

Выбор догоняющего пути развития связан с такими именами, как Александр I, Александр II, Николай II, в некотором смысле Горбачев. Сегодня многие действия и планы В.В. Путина можно интерпретировать как стремление проложить для России собственный путь развития как продолжение особого пути с учетом кардинальных перемен, происходящих в мире. Однако пределы действия как того, так и другого пути развития обуславливаются сохранением целостности Российского государства, его эффективностью, в конечном счете, степенью конкурентоспособности на исторической арене. Возникающие угрозы распада страны порождают с необходимостью смену вектора российской политики. Поэтому каждый проект в рамках того или иного вектора имел временные рамки.

Рассмотрение отношений России с Западом под таким углом зрения, на наш взгляд, позволяет глубже взглянуть на актуальную для России во все времена проблему отстающего – догоняющего развития. Движение к Европе не отменяло характер выборочной, во многом диктуемой извне и потому зависимой модернизации, что не позволяет говорить о догоняющем развитии в точном смысле этого слова. Ведь в таком случае на первое место выдвигается задача полномасштабного заимствования политических, экономических и культурных достижений Запада с целью сокращения разрыва в уровнях экономического развития и перестройки социально-политических структур, всего общества по западному образцу, революционную смену или существенную трансформацию констант традиционного государства, оставшихся неизменными на протяжении столетий. Отдельные достижения не в состоянии кардинальным образом решить проблему отсталости, а следовательно, изменить сам характер развития. Все это и порождает в обществе мысли о необходимости смены политического вектора развития.

При движении России от Европы на первое место выходит стремление найти в рамках устойчиво протекающей цивилизационной эволюции свой собственный национальный путь развития. С ним связана конкурентная (в перспективе, возможно, обгоняющая) парадигма развития с максимальным использованием потенциала всех составляющих собственных онтологических констант – от раздаточной (распределительной) экономики до государственного патернализма и сакральности власти при изменяющихся в ходе развития возможностей для трансформации.

Поскольку имеет место дистанцирование страны от Запада, от стран первого эшелона развития – Центра капиталистической мир-системы, то при анализе альтернативного пути развития возникает реальный вопрос, возможно ли ускоренное развитие государства и общества в целях преодоления отставания и зависимости в условиях создаваемой для этого модели ситуации в той или иной мере «осажденной крепости». При растущем отставании и необходимости мобилизационного рывка, ускоренного развития, конечно, возникает объективная потребность в сохранении и, более того, в усилении централизации властно-управленческого аппарата.

Подчеркну еще раз, идея особого пути России появляется как ответ на вызовы западного капитализма в условиях его стремительного развития. Впервые эта проблема, именно как проблема политического выбора, возникает в более-менее явном виде с приходом к власти Николая I. (Если не считать отдельных шагов, сделанных его отцом – императором Павлом). Его политику можно охарактеризовать как первую попытку создания в до-буржуазном, традиционном обществе альтернативы западному пути промышленного развития, объективно допускающей в то время появление в стране только ранних форм государственно-бюрократического по своей природе

капитализма. Но нас интересует не столько личность императора, сколько та эпоха, тот антилиберальный поворот, который был совершен императором, то символическое обозначение эпохи, как николаевской эпохи, которая заняла тридцать лет.

Значимость этой эпохи в истории страны наглядно показал известный историк А.Н. Янов, покинувший Советский Союз в 1970-е г., и опубликовавший за рубежом обширное трехтомное исследование «Россия и Европа», в котором он показал себя убежденным сторонником европейского пути России. Он особо подчеркивал огромное негативное воздействие николаевской эпохи на последующее развитие страны. Значимость этой эпохи была настолько велика, что в предложенной Яновым периодизации русской истории она заняла отдельное место. Николаевской эпохе историк посвятил весь второй том, названный загадкой николаевской России:

- Европейское столетие России (1480–1560)
- Первый Русский проект (1560–1584)
- Московитское столетие (1584–1689)
- Новый Европейский проект (1689–1825)
- Второй Русский проект (1825–1855)
- Постниколаевская полуевропейская Россия (1855–1917) [29].

Кстати, эта периодизация выглядит хорошей иллюстрацией идеи циклических отношений России с Европой.

Второй Русский проект Николая I (особый путь) – это один из самых сложных для понимания периодов российской истории. Из всех императоров, кто правил страной после Петра I, самым национальным императором считается Николай I. Жандарм Европы, Николай Палкин – так и никак иначе именовали Николая I дореволюционная демократическая публицистика и советская историческая наука, так именуется его современная либеральная историография. Причины фальсификации его идей и стремлений весьма показательны. Совершенный им поворот сопровождался выдвиганием идеи национального самоуважения и, соответственно, моральным отторжением либеральных основ Запада. Все это вызывает до сих пор не просто критику деятельности императора, но и попытки тотальной негативной оценки этого периода русской истории.

Если слова поддержки в адрес николаевского поворота в политике приходится тщательно выискивать в литературе (см. прим. 4), то критике посвящено подавляющее количество работ. В этом отношении второй том А. Янова представляет собой редкую антологию анти-николаевских по смыслу цитат и комментариев со времен Николая I по сегодняшний день. Вот одна из многочисленных цитат николаевских времен: «Теперь только открывается, как ужасны были для России прошедшие 29 лет. Администрация в хаосе; нравственное чувство, умственное развитие остановлено; злоупотребле-

ние и воровство выросло до чудовищных размеров. Все это плод презрения к истине и слепой варварской веры в одну материальную силу», – писал А.В. Никитенко в разделе своего дневника за 1855 г., либеральный историк литературы, служивший цензором в 1830–1850-е гг., т.е. во времена царствования Николая I [14, с. 421].

Для понимания действительной значимости николаевской эпохи для дальнейшего развития России важно следующее. В философской литературе, особенно историософского характера, российская история обсуждается при явном игнорировании внешнеэкономических факторов и чрезмерном внимании к политической и дипломатической деятельности правящих кругов. В первые десятилетия XIX в. в общественном мнении России нашли отражение бесконечные споры между сторонниками протекционизма и свободы торговли. Были весьма популярны идеи Адама Смита. Евгений Онегин «читал Адама Смита и был глубокой эконо́м, т.е. умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет» [17, с. 8–9]. Адам Смит заложил основы экономического либерализма и свободной конкуренции, невмешательства государства в экономические процессы.

За протекционизм выступали российские промышленники. Свободный ввоз товаров из Англии, которая с конца XVIII в. становится главным торговым партнером России, весьма негативно влиял на промышленное развитие страны. Положительные последствия снятия континентальной блокады Англии сошли на нет после принятия нового таможенного тарифа Александром I в 1819 г., многие фабрики понесли большие убытки, были разорены. Напротив, за свободу торговли выступали помещики. И в основе правительственной политики Александра I лежала озабоченность сбытом сельскохозяйственной продукции. Промышленная революция в Англии привела к снижению спроса на сырье из России, в т.ч. на хлеб, которого становится много на мировом рынке. При Александре I структура экономики начинает понемногу приобретать колониальные черты. Реальная попытка избавления от них приобретает практические контуры после поражения восстания декабристов.

При Николае I промышленность вновь стала расти быстрыми темпами. Сохраняется протекционизм. А появление избытка товаров при узком внутреннем рынке рождает так называемый Восточный вопрос. Новый таможенный тариф 1841 г. вызвал взрыв негодования в Англии. Русофобские настроения становятся официальной линией ее внешней политики. Николай I поддерживал протекционистские меры против Англии для защиты национальной промышленности. Разумеется, одного этого шага было достаточно для того, чтобы представить императора и всю Россию в европейском общественном мнении в совершенно непривлекательном свете. В течение всех сороковых годов Англия прикладывает немало сил, чтобы регулярно ста-

вить вопрос о пересмотре таможенного тарифа. Крымская война – это была, можно сказать, нулевая мировая война, на которую Англия и Франция позвали на помощь в борьбе с Россией практически всю Европу. А когда в 1856 г. Александр II отменил николаевский таможенный тариф, английская пресса рассыпалась в комплиментах ему.

Главная причина борьбы Запада, в первую очередь англосаксов, с Россией на политическом уровне состояла и по-прежнему состоит в том, чтобы не допустить возникновения такого центра силы на континенте, который будет угрожать его экономическому могуществу и стремиться к независимому, суверенному существованию на мировой арене.

Обычно принято говорить об антилиберальной эпохе Николая I как об эпохе угрюмой и безжалостной бюрократии, существования жесткой цензуры, ограничений для русских в поездках за границу и в установлении контактов с Западом. Все это было представлено в оппозиционной мысли как строительство «осажденной крепости». Защита безопасности не ограничивалась лишь таможенными тарифами, можно говорить и о суровых мерах по подавлению политической жизни в стране. Об этом забывать нельзя. Но Николай I не был реакционером, каким его часто изображают, он был консерватором, не чуждым идее эволюционного прогресса, способным к умеренным реформам сверху.

С другой стороны, именно в период правления Николая I в 1830–1840-е гг. складывается в обществе в полной мере национальное самосознание и национальное самоуважение, национальная русская литература, получившая мировое признание. Были достигнуты огромные успехи не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, музыке, театре, публицистике, в культуре в целом. Именно она становится средством связи всех сторон общественной жизни, выразителем общественных идеалов, проблем становления личности, критики рождающейся буржуазной морали. Академик Ф.А. Бредихин в выступлении на публичном заседании Академии наук 29 декабря 1896 г. по случаю столетия со дня рождения Николая I, сказал, что «целый большой трактат потребовался бы для того, чтобы показать, как много сделано при Николае I для просвещения России: новые уставы университетов, поставившие эти учреждения на уровень западноевропейских, стройная система преобразованных гимназий и училищ, охватившая сетью все губернские и уездные города...» [3, с. 452]. Русские люди постепенно перестают испытывать чувство неполноценности и зависти. Есть несомненная связь между политикой «удаления» России от Западной Европы, противостояния западной критике российского общества и его традиций и достижениями в сфере культуры на национально-ориентированном пути развития.

Николай I уделяет особое внимание развитию Российской Академии наук, созданию целого ряда новых научных лабораторий, институтов и учебных за-

ведений. Следует сказать о большой сумме денег, отпущенных для строительства Пулковской обсерватории, которое велось быстрыми темпами, а после его окончания в 1839 г. обсерватория стала одной из ведущих в мире; о собственноручном редактировании императором Устава Академии наук России, который много десятилетий до 1926 г. оставался действующим [21]. Николай I активно занимался строительством шоссейных дорог в стране, которое приобрело огромные масштабы. Один из исследователей его деятельности, Б.Н. Тарасов назвал все сделанное Николаем I «транспортной революцией».

В ходе происходящего рывка возникает разрыв между экономическими и политическими реформами, создается впечатление, что государственная власть просто не желает идти на радикальную перестройку политической системы. Но альтернатива централизованной государственной власти, всем другим названным выше константам государства тогда еще актуально не существовала, нельзя же создать на докапиталистическом экономическом базисе западную политическую систему, не говоря уже о неоспоримом господстве отношений личной зависимости в традиционном обществе. Это обстоятельство хотелось бы особо подчеркнуть в связи с провальной попыткой Горбачева поставить радикальную политическую реформу впереди экономической.

Противоевропейский вектор мог дать другое, но тоже перспективное направление развития страны, если линия Николая I была бы продолжена в дальнейшем. Пожалуй, это был тот самый момент, когда Россия могла стать центром иного, но тоже капиталистического развития. Но это была бы другая модель – модель государственного капитализма, в которой целенаправленное строительство капиталистической экономики ставится на службу государству, способствует достижению им своих национальных задач, что впоследствии продемонстрировала Германия Бисмарка. Но переход к капитализму как к господствующему строю и в том и в другом российском случае, требует со стороны государства протекционистского подхода к преобразованию экономики, социальной структуры и других, привычных российскому обществу средств организации общественной жизни. Именно идеология немецкого протекционизма Ф. Листа, реализованная объединенной Германией при Отто фон Бисмарке, своим примером и пафосом породила индустриальную эпоху Александра III, которую в наибольшей степени идеологически связывают с экономической политикой С.Ю. Витте [11]. В Германии был реализован альтернативный вариант развития по капиталистическому пути в результате революции «сверху», но он не привел к переходу Германии в Центр капиталистической экономической мир-системы, а напротив, стал одной из причин первой мировой войны. Закрытие проблематики особого пути для нее станет итогом второй мировой войны.

Сравнительный анализ особых путей развития Германии и России: сходство начальных позиций и противоположность полученных результатов

Прежде всего, следует обратить внимание на возникновение противоречия между первым и вторым эшелонами развития капитализма в странах Европы, поскольку становление западной цивилизации в каждом из них проходило принципиально различным образом.

К концу XIX в. в первый эшелон спонтанного развития капитализма вошли страны Западной Европы – Англия, Франция, Голландия, Бельгия, Дания, Швеция и некоторые другие. Во втором эшелоне форсированного развития находились Германия, Россия, страны Центральной и Южной Европы.

Здесь мы сталкиваемся с весьма сложной проблемой, которая формулируется примерно так. В сборнике «“Особый путь”: от идеологии к методу», о котором уже ранее шла речь, предпринимается еще одна настойчивая попытка развеять иллюзию об «особом пути» развития России. В этом сборнике во второй части «Особый путь»: Европейский контекст» основное внимание уделено проблеме «Sonderweg» – «особому пути» Германии. Основной вывод, который делается во второй части книги, состоит в том, что Германия переболела этой идеей, и теперь она нормальная страна, т.е. страна высокоразвитого капитализма. Вот только Россия все никак не может переболеть этой болезнью. Сегодня она вновь больна, как и все двести лет, если не больше. Страна все время ищет свой «особый» путь, это и является главной причиной ее нахождения в постоянно переходном состоянии. Различные авторы, но очень похожие – наступательные по настрою и уверенные в своей правоте – не признают за иной точкой зрения права на существование в науке, и сами низводят эту проблему на уровень идеологического упрощения и безусловного осуждения.

Некоторые немецкие авторы сборника сомневаются в том, что опровергнуто наличие особого пути немецкой истории в XIX–XX вв. [12, с. 285]. Особый путь существовал в Германии, он порожден был, прежде всего, оккупацией армией Наполеона значительной части небольших германских государств и бурным ростом антилиберальных, антифранцузских настроений.

И.Г. Фихте пишет работу «Замкнутое торговое государство» (1800). Цель такого замкнутого государства – «достижение национальной независимости государства. Государство должно замкнуться от иностранной торговли и образовать с этого момента такой же обособленный торговый механизм, какой оно уже образовало – обособленный юридический и политический организм» [19, с. 214]. Центральная идея национальной общественной мысли – торговый протекционизм, без которого невозможно самостоятельное развитие страны. Более того, замкнутое торговое государство способно быть самодостаточным в своем развитии. И оно сможет таким образом реально обеспечить своим гражданам достойное человеческое существование.

В своей более поздней работе «Речи к немецкой нации» (1809 г.) И.Г. Фихте пишет о том, что строительство нового государства и политической системы в Германии нужно начинать с формирования духовной личности. Безусловной предпосылкой совершенной личности является совершенное государство. Духовная культура посредством «национального воспитания» задает человеку нормы поведения, следование которым делает его цивилизованным человеком. Иными словами, именно национальная культура открывает перед индивидом понимание того, что можно назвать цивилизованностью. Цивилизация в Германии возможна как порождение национальной культуры.

В этой работе И.Г. Фихте дает оценку идейным увлечениям немцев, влиянию на них французского либерализма, давая общую характеристику этому влиянию – «заграница», или иностранщина. Впоследствии Н.Я. Данилевский в России будет описывать подобную ситуацию, называя ее «европейничаньем». Нельзя не сказать здесь об отношении либерально-западнической мысли к взглядам Фихте, которое открывает еще один более глубокий и сложный пласт для понимания проблематики особого пути Германии и не только Германии. Либерально-западническая позиция не может оценивать идейное сопровождение «особого пути» иначе, чем движение в сторону национализма и национал-социализма.

Как утверждается в одном из современных комментариев (2013), начало этому движению было положено именно работой Фихте «Речи к немецкой нации». «Прочитав последние 12, 13, и 14 лекции, честно говоря, легко понимаешь, почему Фихте часто называют духовным отцом германского национализма, а иногда даже обвиняют его в формировании того образа мыслей, который сделал возможным национал-социализм и Холокост. И если последнее обвинение еще можно от него отвести, то первое – нет» [7]. Такого рода выступления против сторонников «особого пути» Германии прямо бьют и по сторонникам «особого пути» в России, которых обвиняют в национализме.

Продолжением линии И.Г. Фихте стал труд Иоганна Тюнена «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» (1826, 1 том). Речь идет в первую очередь об обосновании протекционизма, который был положен в основу политики Германии, особенно после ее объединения в 1871 г. Выдающийся немецкий экономист Ф. Лист создает альтернативную английскому экономическому либерализму школу политэкономии, издав работу «Национальная система политической экономии» (1841). Главное – это опора на собственные силы. Российский государственный деятель С.Ю. Витте высоко оценил эту работу, издав в 1889 г. большую статью, в которой особо подчеркнул, что «мы, русские, в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном

космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли само нелепое направление. <...> Лист составил эпоху не только в научной, но и в практической жизни Германии. Он положил в своем отечестве основание науки, называемой национальной экономией (в противоположность политической экономии» [5, с. 261–262]. С.Ю. Витте обосновал возможность создания мощной отечественной промышленности при условии, что на первых этапах ее становления она должна быть защищена от иностранной конкуренции таможенным барьером. Новый таможенный тариф при Александре III был принят в России в 1891 г. и сыграл большую положительную роль.

Протекционизм – господствующее направление в течение всего XIX в. в экономической политике Германии. Политика жесткого протекционизма привела ее, как, впрочем, и Северо-Американские Соединенные Штаты, к впечатляющим результатам.

Ф. Энгельс писал о том, что немецкие социалисты гордятся тем, что они ведут «свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье, Оуэна, но также и от Канта, Фихте, Гегеля» [28, с. 323]. В первые годы советской власти в государственных издательствах была издана работа И. Фихте о замкнутом торговом государстве (1923 г.), сам он зачисляется в те годы чуть ли не в родоначальники социализма, а в 1926 г. – работа И. Тюнена, нарисовавшего идеальный образ замкнутого государства на основе доведенной до предела идеи протекционизма. Не случайно публикация этих книг совпала с дискуссиями в советском обществе о возможности построения социализма в одной стране.

Мне представляется, что особый путь, действительно, начал реализовываться Германией Бисмарка в ходе форсированного развития страны по капиталистическому пути после революции «сверху» 1871 г. Германия становится буржуазным государством, хотя и с многочисленными оставшимися феодальными чертами или «пережитками». Это была грандиозная по тому времени попытка создания второго Центра силы (второго Центра развития капитализма, но иного исторического типа) на европейском пространстве, альтернативного английскому капитализму, хотя принадлежность Англии к Европе остается предметом постоянных споров, вновь ставших острыми после выхода Англии из Евросоюза. Британская империя, конечно, сделала все, чтобы не допустить существования на континенте мощного геополитического субъекта, особенно в связке Германии и России. Разгром Германии в первой мировой войне не смог до конца уничтожить намерение Германии создать такой альтернативный центр. И вновь тема «особого пути» уже в версальской Германии оказывается в центре внимания социальных наук. Теперь она возникает как необходимость в консервативной революции в Германии и обосновании «Третьего пути».

Один из первых манифестов консервативной революции принадлежит перу выдающегося немецкого писателя Томаса Манна, который в сборнике статей «Размышления аполитичного» (1918 г.) дает немецкое понимание того, как следует мыслить соотношение культуры и цивилизации. При этом, конечно, следует иметь в виду, что Германия воевала в первую мировую войну с Антантой, с военно-политическим союзом Англии, Франции и России.

Если взглянуть на то, куда завели Францию ее политики, то можно получить ясное доказательство того, что «политика» не всегда на пользу стране и народу: «То, против чего вынуждено возмутиться самое глубокое во мне, мой национальный инстинкт, был вопль о “политике” в том значении этого слова, которое присуще ему в духовной сфере. Это – “политизация духа”, искажение понятия «дух» в угоду улучшательскому Просвещению, революционной филантропии, которые действуют на меня как яд и опермент; я убежден, эти протест и отвращение вызваны не чем-то личным и временным, нет, в них проявилось мое национальное бытие.

Различие между духом и политикой содержит в себе различие между культурой и цивилизацией, душой и обществом, свободой и всеобщим избирательным правом, искусством и литературой; германство (Deutschtum) это как раз и есть культура, душа, свобода, искусство, но не цивилизация, общество, всеобщее избирательное право, литература» [13].

Писатель поддерживает Германию, не потому что она внешнеполитический конкурент Англии, а потому, что Германия – ее духовный противник; а что касается английского защитника «человеческой цивилизации», то страх, ненависть и сопротивление вызывает у писателя не столько политическая враждебность этого защитника к Германии, сколько его духовная анти-немецкость. Томас Манн осуждает своих западников, они хотят такой демократии в Германии, чтобы именно в этом пункте исчезла противоположность между Германией и Западом, чтобы именно в этом пункте они сравнялись бы. Манн называет это чистым безумием. Вполне понятно, что при слиянии национальных демократий в европейскую или в мировую демократию от немецкой сущности не останется и следа; всемирная демократия, империя цивилизации, «общество человечества» может носить более или менее романский или англосаксонский характер – немецкий дух в этом обществе истребится полностью, он растворится, его больше не будет.

Перед нами здесь не просто мнение немецкого писателя и философа Т. Манна, и вопрос даже не в том, что он воспроизводит известное суждение О. Шпенглера о первенстве культуры перед цивилизацией. В немецкой истории видится иной ход становления буржуазной цивилизации в сравнении с романским (французским) путем развития как неким эталоном становления цивилизованного общества, когда по мере становления буржуазной цивилизации возникает современная культура именно буржуазного

общества. Следует подчеркнуть, что здесь имеется в виду романская, и только в этом смысле западная цивилизация, которую как раз и выдают за общечеловеческую цивилизацию.

В 20-е гг. XX в. можно говорить о существовании континентального Запада во главе с Францией, затем Европы (Средняя Европа, *Mitteleuropa*), центром (и сердцем) которой оказывается Германия, и Советской России – центра Евразии. Суть консервативной революции состояла в сочетании традиционных ценностей (государство, нация, империя и т.д.) и ценностей социалистических (социальное государство, социально-ориентированная экономика). Такой была в теоретическом плане попытка преодоления дихотомии, сложившейся на континенте. Геополитические интересы Германии традиционно были противоположны устремлениям атлантической части коллективного Запада. Отсюда и вырастает стремление Германии создать в центре Европы единый геополитический организм.

Поиски особого пути были продолжены после прихода к власти нацистов, которые использовали многие идеи, высказанные теоретиками консервативной революции. Сегодня прочно утвердилось в научной литературе убеждение в том, что ученых, начиная с Фихте и заканчивая видными сторонниками «третьего пути», нельзя зачислять в предшественники и духовные вожди национал-социализма. Поиски особого пути окончились сразгромом нацистской Германии и полной интеграцией послевоенной Германии в сообщество западных национальных государств, которое впоследствии стало Европейским Союзом. Германия заплатила за это вхождение огромную цену, и не только материальную, но и человеческую, интеллектуальную. Как писал Черчилль: «Вы должны понять, что эта война ведется не против национал-социализма, но против силы германского народа, которая должна быть сокрушена раз и навсегда, независимо от того, в чьих руках она находится: в руках Гитлера или в руках священника-иезуита» [33]. Черчиллю приписывают и другую, более откровенную формулировку: «Мы воюем не с Гитлером, а с немецким духом, духом Шиллера, чтобы этот дух не возродился» (см. прим. 4).

В настоящее время хорошо известно об англо-американских планах относительно того, как они хотели поступить с немцами после победы над нацистской Германией. Были предложения стерилизовать тотально всех немецких мужчин и женщин, провести аграризацию страны, установить контроль над школьным и университетским образованием, социальными науками и, наконец, изменить идентичность немцев путем их метисизации. Одним словом, была разработана целая система духовно-интеллектуальной оккупации немецкой нации. И она дала и продолжает давать хорошие результаты. Есть немало доказательств того, что существует так называемый Акт канцлера, как часть тайного государственного договора 1949 г., когда каждый новый канцлер должен под-

писать особый акт, в котором изложены основные ограничения, введенные тремя странами – США, Англией и Францией, относительно суверенитета ФРГ.

Национальный путь становления цивилизации в стране как порождение ее, прежде всего, своей собственной культурой оказывается закономерностью для всех стран второго эшелона становления капитализма. Что касается России, то она и в XIX в., и в XX, и в начале XXI в., как следует из всего вышесказанного, постоянно занята поиском, обоснованием и реализацией становления цивилизации через культуру. Культурная революция в 1930-е гг. в советской стране самым неожиданным, но вполне закономерным образом раскрывает движение в обществе от рождавшейся советской культуры к советской цивилизации, к советскому человеку.

В основе современного развития многих не-западных больших государств-цивилизаций лежит не только поддержка традиционной культурой своего типа цивилизации, но и создание необычных синтезных общественных порядков. То, что считается консервативным, т.е. опорой на традицию, становится сочетаемым, естественно, с большими трудностями, как с социалистическими ценностями – высокоцентрализованная вертикаль власти, социальное государство, социально ориентированная экономика, так и с либерально-демократическими ценностями в самых разных соотношениях.

Критика «особого пути» постепенно перестает быть актуальной, поскольку вопрос о реализации западного проекта общества модерн в этих странах постепенно исчезает из политической повестки дня [23]. А сама модернизация все больше приобретает первоначальный смысл как новая индустриализация, обновление производства с использованием достижений последнего технологического уклада.

Реализация Красного Проекта в России (СССР) завершилась в 1991 г. После падения общества реального социализма дискуссия о путях дальнейшего развития страны развернулась с новой силой. После провала либерально-западнического проекта рост настроений в пользу выбора своего собственного цивилизационного пути развития вызвал новую волну критики «особого пути» России, о которой шла речь в начале статьи. Исторический выбор страной еще не свершился. Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что сегодня происходит поворот политического вектора российской власти к Востоку со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Заключение

Исторический выбор Россией собственного пути в современных условиях может означать вместе с тем разрешение многовекового противостояния Запада и России, оно мне видится сегодня здесь почти парадоксальным – на путях перерождения современной Европы, когда заканчивается

эпоха господства в мире западной цивилизации и когда она перестает претендовать на то, чтобы быть реальным воплощением, носителем универсальных общечеловеческих ценностей и образцом для подражания. Конечно, возможен и прямо противоположный вариант разрешения этого многовекового исторического противостояния, новое историческое поражение России, но оно требует отдельного обсуждения.

Европейский Запад стремительно меняется на глазах, особенно после событий февраля 2022 г. Но агрессивность и непредсказуемость его отношения к России в последнее время, поддерживаемое мощью англосаксонской части западной цивилизации, представляет для России реальную и опасную угрозу. Так можно ли в этой ситуации говорить о том, что особый путь России – это миф. Скорее будет верен обратный ход мысли – это реальность, это единственно сегодня верный путь для успешной реализации российского проекта цивилизационного развития. В этой ситуации вновь становится актуальной для социальной философии проблематика «осажденной крепости», о которой автор написал отдельную статью [26].

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Проблемы цивилизационного развития».
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Vladimir N. Shevchenko – Sc.D. in Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the journal “Civilization studies review”.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
vladshevchenko@mail.ru

Список литературы

1. Айтнашев Т., Велижев М. «Особый путь»: от идеологии к методу // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Айтнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 9–35.
2. Безлепкин Н.И. Историософская традиция в истории отечественной мысли // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 151–164.
3. Бредихин Ф.А. Речь акад. Ф.А. Бредихина, произнесенная в публичном заседании Академии 29 декабря 1896 года // Николай I. Рыцарь самодержавия / Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова. М.: ОЛМА-Медиа Групп, 2007. 478 с.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 414 с.
5. Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005. С. 257–304.
6. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 207 с.
7. Гурбанов Г.И. Г. Фихте. Речь к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 350 с.

8. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект: Раритет, 2001. 880 с.
9. Зорин А. «Особый путь России» – идея трансформационного прорыва в русской культуре // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 36–51.
10. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. 521 с.; 4-е изд. М.: URSS: ЛЕНАНД. 2016. 455 с.
11. Колеров М.А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. 638 с.
12. Кока Юр. По окончании особого пути: к вопросу о состоятельности идеи // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 277–296.
13. Манн Т. Рассуждения аполитичного // Вестник Европы. 2008. № 24. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2008/24/rassuzhdeniya-apolitichnogo.html> (дата обращения: 17.07.2021).
14. Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. 543 с.
15. Никольский С. О проблеме цивилизации и цивилизационном развитии России. Историософский анализ // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 99–127. URL: <https://civstudies.ru/article/view/6212/3215> (дата обращения: 17.07.2021).
16. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1999. 399 с.
17. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: Правда, 1954. 480 с.
18. Травин Д. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2018. 221 с.
19. Фихте И. Замкнутое торговое государство. Философский проект, служащий дополнением к науке о праве и попыткой построения грядущей политики. М.: URSS, 2010. 161 с.
20. Фурсов А. Ничейный дом Европа! URL: <https://psyont.livejournal.com/17408605.html> (дата обращения: 01.11.2021).
21. Хромов Г. Российская академия наук: история, мифы и реальность // Отечественные записки. 2002. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/rossijskaya-akademiya-nauk-istoriya-mify-i-realnost.html> (дата обращения: 01.11.2021).
22. Цымбурский В.Л. Циклы «похищения Европы» // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 2. Россия как субъект. М.: Аргус, 1995. С. 207–254.
23. Шевченко В.Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России // Век глобализации. 2018. № 3. С. 106–119.
24. Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 33–44.
25. Шевченко В.Н. Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // Философские науки. 2019. № 1. С. 29–47.
26. Шевченко В.Н. СССР как осажденная крепость // СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия. М.: Голос. 2022, С. 123–153.
27. Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 82–105.
28. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 185–230.
29. Янов А. Россия и Европа. В 3 т. Т. 2. Загадка Николаевской России (1825–1855). М.: Новый хронограф, 2007. 502 с.

References

1. Aynashev T., Velizhev M. «Osoby put»: ot ideologii k metodu // «Osoby put»: ot ideologii k metodu / Sost. T. Atnashev. M. Velizhev. A. Zorin. M.: Novoye literaturnoye obozreniye. 2018. S. 9–35.
2. Bezlepkina N.I. Istoriosofskaya traditsiya v istorii otechestvennoy mysli // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2018. T. 34. Vyp. 2. S. 151–164.
3. Bredikhina F.A. Rech akad. F.A. Bredikhina, proiznesennaya v publichnom zasedanii Akademii 29 dekabrya 1896 goda // Nikolay I. Rytsar samodержaviya / Sost., vstup. st. i komment. B. N. Tarasova. M.: OLMA-Media Grupp. 2007. 478 s.
4. Vallerstayn I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire / Pod red. B.Yu. Kagarlitskogo. SPb.: Universitetskaya kniga. 2001. 414 s.
5. Vitte S.Yu. Po povodu natsionalizma. Natsionalnaya ekonomiya i Fridrikh List // List F. Natsionalnaya sistema politicheskoy ekonomii. M.: Evropa. 2005. S. 257–304.
6. Gaydar E.T. Gosudarstvo i evolyutsiya. M.: Evraziya. 1995. 207 s.
7. Gurbanov G.I. G. Fikhte. Rech k nemetskoj natsii. SPb.: Nauka. 2009. 350 s.
8. Zenkovskiy V.V. Istoriya russkoy filosofii. M.: Akademicheskij Proyekt: Raritet. 2001. 880 s.
9. Zorin A. «Osoby put Rossii» – ideya transformatsionnogo proryva v russkoy kulture // «Osoby put»: ot ideologii k metodu / Sost. T. Atnashev, M. Velizhev, A. Zorin. M.: Novoye literaturnoye obozreniye. 2018. S. 36–51.
10. Kagarlitskiy B.Yu. Periferiy naya imperiya: Rossiya i mirosistema. M.: Ultra. Kultura. 2004. 521 s.; izd. 4-e. M.: URSS: LENAND. 2016. 455 s.
11. Kolerov M.A. Stalin: ot Fikhte k Beriya. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma. M.: Modest Kolerov. 2017. 638 s.
12. Koka Yur. Po okonchaniy osobogo puti: k voprosu o sostoyatelnosti idei // «Osoby put»: ot ideologii k metodu / Sost. T. Atnashev, M. Velizhev, A. Zorin. M.: Novoye literaturnoye obozreniye. 2018. S. 277–296.
13. Mann T. Rassuzhdeniya apolitichnogo // Vestnik Evropy. 2008. № 24. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2008/24/rassuzhdeniya-apolitichnogo.html> (access date: 17.07.2021).
14. Nikitenko A.V. Dnevnik. V 3 t. T. 1. M.: Goslitizdat. 1955. 543 s.
15. Nikolskiy S. O probleme tsivilizatsii i tsivilizatsionnom razvitiy Rossii. Istoriosofskiy analiz // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya. 2021. T. 3. № 1. S. 99–127. URL: <https://civstudies.ru/article/view/6212/3215> (access date: 17.07.2021).
16. Novikova L.I., Sizemskaya I.N. Russkaya filosofiya istorii: kurs lektsiy. M.: Aspekt Press. 1999. 399 s.
17. Pushkin A.S. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 3. M.: Pravda. 1954. 480 s.
18. Travin D. «Osoby put» Rossii: ot Dostoyevskogo do Konchalovskogo. SPb: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v SPb. 2018. 221 s.
19. Fikhte I. Zamknutoye trgovoye gosudarstvo. Filosofskiy proyekt, sluzhashchiy dopolnениem k nauke o prave i popytkoy postroyeniya gryadushchey politiki. M.: URSS. 2010. 161 s.
20. Fursov A. Nicheynny dom Evropa! URL: <https://psyont.livejournal.com/17408605.html> (access date: 01.11.2021).
21. Khromov G. Rossiyskaya akademiya nauk: istoriya, mify i realnost // Otechestvennyye zapiski. 2002. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/rossijskaya-akademiya-nauk-istoriya-mify-i-realnost.html> (access date: 01.11.2021).
22. Tsymburskiy V.L. Tsikly «pokhishcheniya Evropy» // Inoye. Khrestomatiya novogo rossiyskogo samosoznaniya. T. 2. Rossiya kak subyekt. M.: Argus. 1995. S. 207–254.
23. Shevchenko V.N. Vozvrashcheniye Kitaya na natsionalnyy put razvitiya v epokhu globalizatsii: znachimost i vyvody dlya Rossii // Vek globalizatsii. 2018. № 3. S. 106–119.

24. Shevchenko V.N. Tsivilizatsionnyy podkhod pod ognem kritiki // Voprosy filosofii. 2016. № 2. S. 33–44.
25. Shevchenko V.N. Ontologicheskiye konstanty Rossii kak gosudarstva-tsivilizatsii v kontekste vseмирной istorii // Filosofskie nauki. 2019. № 1. S. 29–47.
26. Shevchenko V.N. SSSR kak «osazhdennaya krepost» // SSSR v dostizheniyakh i katastrofakh. Razmyshleniya po sluchayu 100-letiya. M.: Golos. 2022. S. 123–153.
27. Shnirelman V.A. Tsivilizatsionnyy podkhod kak natsionalnaya ideya // Natsionalizm v mirovoy istorii / Pod red. V.A. Tishkova. V.A. Shnirelmana. M.: Nauka. 2007. S. 82–105.
28. Engels F. Razvitiye sotsializma ot utopii k nauke // Marks K., Engels F. Soch. 2-e izd. T. 19. M.: Politizdat. 1961. S. 185–230.
29. Yanov A. Rossiya i Evropa. V 3 t. T. 2. Zagadka Nikolayevskoy Rossii (1825–1855). M.: Novyy khronograf. 2007. 502 s.

Примечания

1. См. Кофырин Н. Особый путь России. URL: <https://patrio.livejournal.com/1346424.html>; см. также: Никакого «особого пути» у России нет. Экономист Дмитрий Травин – о судьбе нашей страны. URL: <https://maxpark.com/community/8211/content/6552722>
2. Европейский выбор или снова «особый путь» / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 443 с.; Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание и последствия / Под ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. 318 с.; Иноземцев В.Л. Несовременная Россия. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018. 402 с.; «Особый путь»: от идеологии к методу» / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.; Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Либеральная миссия, 2003. 158 с.; Паин Э.А. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М.: РОССПЭН, 2009. 269 с.; Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. 764 с.; Травин Д. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2018. 221 с.; Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. СПб.: Европ. ун-т в СПб., 2017. 301 с.; Шевцова Л.Ф. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.: Моск. центр Карнеги, 2010. 268 с.
3. Известный исследователь николаевской эпохи Б. Тарасов считает, что «доброе имя Николая I несправедливо оклеветано силами, выступающими против «исторической России». Цит.: Пирин Д. Николай I: PRO ET CONTRA. URL: <https://историк.рф/journal/post/5349> (дата обращения: 07.10.2021).
4. Говорил ли Черчилль о том, что Британия воюет не с Гитлером, а с немецким духом. URL: <https://provereno.media/2020/11/05/govoril-li-cherchill-o-tom-cto-britaniya-vojuet-ne-s-gitlerom-a-s-nemeckim-duhom/> (дата обращения: 07.10.2021).